Впрочем, поразмыслив о случившемся, Вэй И решил: раз Ся Линфэн проявил такую пылкость, значит, хоть какая-то любовь в нём всё-таки теплится…

Эх, до чего же мучительно бросаться из крайности в крайность, гадая, любят тебя или нет!

После бурлящих утренних ласк Вэй И ещё немного подрейфовал в постели, прежде чем заставить себя подняться. К выбранному ресторану они с Ся Линфэном подошли лишь к половине двенадцатого — и как раз попали на самый сбор очередей.

Ся Линфэн только собрался предложить поискать другое место, как в его кармане зазвонил телефон.

Ответив на вызов, хирург быстро помрачнел.

— Понял, — тихо произнёс он в трубку. — Сейчас буду.

У Вэй И сжалось сердце от недоброго предчувствия.

Так и вышло. Положив трубку, доктор виновато посмотрел на него:

— Прости. В больнице срочный вызов.

Вэй И поджал губы. Глупо отрицать — внутри всё рухнуло. Он так долго ждал этого совместного выходного, и вот опять всё пошло прахом.

— Что произошло?

— Срочная операция.

Ся Линфэн хотел было объяснить, что за вмешательство предстоит и насколько ситуация критическая, но перед глазами мгновенно всплыло болезненное лицо Вэй И в тот вечер, когда подали раков. В итоге хирург ограничился скупым:

— Всё очень серьёзно, пациент ждёт.

Вэй И не выносил вида крови и тяжёлых разговоров о болезнях.

— Тогда беги скорее, — пересилив досаду, вздохнул Вэй И. Ему не хотелось усложнять мужу жизнь. — Не забудь пообедать. Береги себя.

Ся Линфэн подался вперёд, быстро прикоснулся губами к его лбу и тихо сказал:

— Не знаю, когда освобожусь вечером. Ложись, не жди меня.

С этими словами он поспешно ушёл.

Ему и самому хотелось провести день с Вэй И: пообедать вместе, сходить в игровой центр. Выходить на работу в воскресенье ему вовсе не улыбалось, но выбора не было — жизнь человека висела на волоске.

Каждый выходной казался ему займом у клиники: захочет руководство — и заберёт его обратно без предупреждения.

Сегодня требовалось экстренное вмешательство при расслоении аорты. Ситуация катастрофическая: сосуд вот-вот разверзется полностью, промедление смерти подобно. Из всей бригады свободен оказался только он.

Вернувшись в больницу, Ся Линфэн попросил второго ассистента принести «операционный обед». С самого утра во рту не было и маковой росинки, а без подкрепления во время многочасовой работы легко можно было поймать гипогликемию.

Он зашёл в операционную и, пока пациента вводили в состояние глубокой гипотермической остановки кровообращения, быстро перекусил. Оставалась пара минут, и он достал личный телефон, чтобы набрать Вэй И.

Уходя, он видел, как тот пытался скрыть разочарование, и эта затаённая боль отозвалась уколом в его собственном сердце.

Если подумать… они уже очень давно не уделяли друг другу нормального времени.

Теперь, когда Вэй И ушёл из авиации, ему стоит найти более спокойную, стабильную работу. А самому Ся Линфэну нужно изо всех сил выкраивать окна в графике…

Звонок приняли почти сразу.

— Пообедал? — тихо спросил Ся Линфэн. — Могу заказать тебе доставку домой, если хочешь.

— Всё в порядке, — на том конце провода стоял шум. — Я ем барбекю. Работай спокойно и не забивай себе голову.

Время поджимало, разговор пришлось быстро сворачивать.

Ся Линфэн поднялся, завершил необходимые приготовления и встал к операционному столу.

Предстояла классическая открытая операция. У пациента диагностировали расслоение аорты типа А — обширное поражение не оставляло шансов для малоинвазивного вмешательства, требовалось вскрывать грудную клетку и протезировать огромный участок сосуда.

Операции такого рода невероятно опасны. Хирурги отправляются на них на рассвете, а возвращаются глубокой ночью; больные теряют литры крови, а их семьи — последние сбережения. Но даже успешное вмешательство не гарантирует хорошего прогноза: после вскрытия грудины и масштабной реконструкции ослабленные пациенты часто так и не приходят в сознание.

Впрочем, без операции смертность в первые сорок восемь часов превышает пятьдесят процентов. Ввязаться в этот риск — единственный шанс выжить.

Отделение кардиохирургии в их больнице считалось одним из сильнейших в стране. Ежедневно сюда стекались тяжелейшие больные со всех уголков Китая, так что редкие патологии для местной практики были обычным делом.

Обычно резекция и протезирование аорты занимают около восьми часов, но чем больше поражённая зона, тем дольше длится вмешательство. Оценив объём работы, Ся Линфэн понял: дай бог оказаться дома к двум часам ночи.

Аорта пронизывает тело от головы до самых ног. У этого пациента расслоение распространилось от дуги аорты до самого бедра — поражённый участок растянулся более чем на сорок сантиметров. Вдобавок сказывались многолетняя гипертония и критический избыток веса. Пробившись сквозь внушительную толщу жировой ткани, Ся Линфэн вскрыл грудную клетку.

С настолько обширным повреждением ему ещё не приходилось сталкиваться. Хирург попросил медсестру достать его рабочий телефон, чтобы сделать снимки и проконсультироваться с наставником.

Завершив звонок, Ся Линфэн приступил к замене разрушенных сосудов. Ювелирная, колоссальная по объёму работа: артерия не превышает сорока миллиметров в ширину, и этот тончайший сосуд требовалось миллиметр за миллиметром иссекать и заменять протезом. Такая филигранная точность требовала предельной концентрации и долгих часов на ногах.

За операционным столом для Ся Линфэна переставал существовать весь остальной мир.

***

Около пяти вечера Вэй И отправил сообщение, интересуясь, как дела и сильно ли тот занят.

Ответа не было до самого вечера.

Ся Линфэн увидел уведомление лишь на этапе согревания пациента после глубокой гипотермической остановки кровообращения. Пошёл уже десятый час операции, на часах перевалило за полночь. Отвечать хирург не стал — побоялся, что звук сообщения разбудит Вэй И.

***

День у Вэй И не задался. Ся Линфэн ушёл и снова канул в небытие. Ни где он, ни чем занят — человек словно испарился, будто они жили в разных часовых поясах.

«Эх, кабы я не любил его так сильно… — тоскливо думал Вэй И. — Не было бы этой любви, не было бы и пожирающей тревоги».

Написать сообщение — молчит. Позвонить он не решался, боясь помешать. В одиночестве мысли неизбежно уносились в дебри: дошло до того, что он стал гадать, не скрывает ли Ся Линфэн что-то за его спиной.

Он понимал, что это глупо и несправедливо, но назойливые сомнения копошились в голове вопреки здравому смыслу.

Вечером он честно пытался дождаться мужа, но усталость сморила его, и он заснул прямо на постели.

В два часа ночи лунный свет пролился сквозь незашторенное окно в глубину комнаты. Щелчок дверного замка заставил Вэй И вздрогнуть и мгновенно сесть на кровати. Сначала ему показалось, что это сон, но шаги в прихожей развеяли иллюзию.

Взглянув на часы, он увидел: второй час ночи. Только сейчас.

В груди смешались сочувствие и глухая боль. Затаив дыхание, Вэй И сидел в темноте и слушал, как Ся Линфэн старается ступать неслышно, пробираясь в ванную, а затем, переодевшись в пижаму, тихо входит в спальню.

Заметив сидящего на постели Вэй И, хирург замер у порога:

— Я тебя разбудил?

— Нет, просто плохо спалось, — Вэй И слегка похлопал по матрасу рядом с собой. — Ложись скорее. Тебе завтра снова на работу?

— Утром отдых, — устало отозвался Ся Линфэн. — В клинику только к обеду.

Вэй И охватила такая жалость, что слова застряли в горле. Оставалось только укрыть его и попросить поспать.

Ся Линфэн хотел спросить, почему ему плохо спится и не тревожит ли что-то, но силы окончательно покинули его. От усталости гудели кости, и он решил отложить разговор до утра.

Лёжа рядом и слушая, как хирург мгновенно погружается в тяжёлый сон, Вэй И мысленно возвращался к прошедшему дню.

Ощущение настоящего выходного растаяло ещё утром. Ся Линфэн исчез на полсуток, а вернувшись, едва перебросился с ним парой фраз перед тем, как отключиться.

Вэй И прекрасно понимал, как тот изматывается, и искренне сочувствовал ему, но глубокая горечь разочарования от этого никуда не девалась.

Возможно, сказывался контраст. Прежде, когда Вэй И уже летал, а Ся Линфэн ещё учился, они ловили каждую свободную минуту. Сообщения не оставались без ответа. Но стоит тому выйти на работу — и паузы между репликами становились всё длиннее, пока не превратились в многочасовое молчание.

Вэй И пытался читать про врачебный быт: дежурства, обходы, операции, экстренные поступающие, куча отчётов… Но всё это казалось абстрактными словами. Он не представлял этой рутины изнутри и не понимал, как можно пропадать без вести по семь-восемь часов.

Операция?

Неужели операция действительно может длиться так долго? Или за этим кроется что-то ещё, и он просто не хочет писать?..

Раньше Вэй И и сам крутился как белка в колесе, но даже во время рейсов находил секунду черкнуть строчку. Ся Линфэн же превратился в настоящего «пропавшего без вести».

Вэй И знал, что поступает дурно, но подозрения и тревожные мысли отравляли разум, и сбежать от них у него не получалось.

http://bllate.org/book/20027/1991552